

РУДНИК ПОГИБЕЛИ

М. Е. МАССОН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КЫРГЫЗСТАН»

КИРГИЗСКОЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

М. Е. МАССОН

РУДНИК ПОГИБЕЛИ

(Из истории первых лет деятельности
Туркестанского кружка любителей археологии)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КЫРГЫЗСТАН»
Фрунзе—1971

Михаил Евгеньевич Массон

РУДНИК ПОГИБЕЛИ

Редактор П. Н. Кожемяко

Художественный редактор К. Сейталиев

Технический редактор А. Байтериев

Корректор Т. Абдрахимова

Сдано в набор 28/I-1971 г. Подписано к печати 20/IV-1971 г.

Д—02834. Бумага типографская № 1, формат 60×90 1/32,

1,5 физич. печ. л., 1,44 условн. печ. л., 1,38 учет.-изд. л.

Тираж 5000. Заказ № 1010. Цена 5 к.

Фрунзенская городская типография № 3, Главполиграфиздата
Мин. культуры Кирг. ССР, Карагандинская, 72.

«Когда я перебираю свои воспоминания о Туркестане, я иногда не без грусти думаю о том, как основательно забыты люди, игравшие когда-то более чем заметную (научную) роль даже при скромном служебном положении».

В. В. Бартольд, 1926 г.

В 1896 г. ташкентцы наслаждались чудесной ранней весной. Было еще начало марта, но фиалки в садах уже отошли. Солнце ласково пригревало, и под действием его жизне-вительных лучей пробудившиеся соки растений давно одели зеленым флером деревья и кусты городских насаждений. В скверах, парках и садах с шелестом от дуновения мягкого ветерка сливались по особому звучащие голоса птиц.

По случаю воскресного дня во дворе Ташкентской мужской гимназии тихо. Вернувшийся от обедни директор, магистр богословия и ориенталист, Николай Петрович Остроумов сидит на свежем воздухе у своей казенной квартиры при гимназии. Из кухни доносятся запахи готовящихся азиатских блюд. Это в связи с тем, что директор сегодня ждет гостей из Старого города. Он состоит членом «товарищества» из четырнадцати человек,

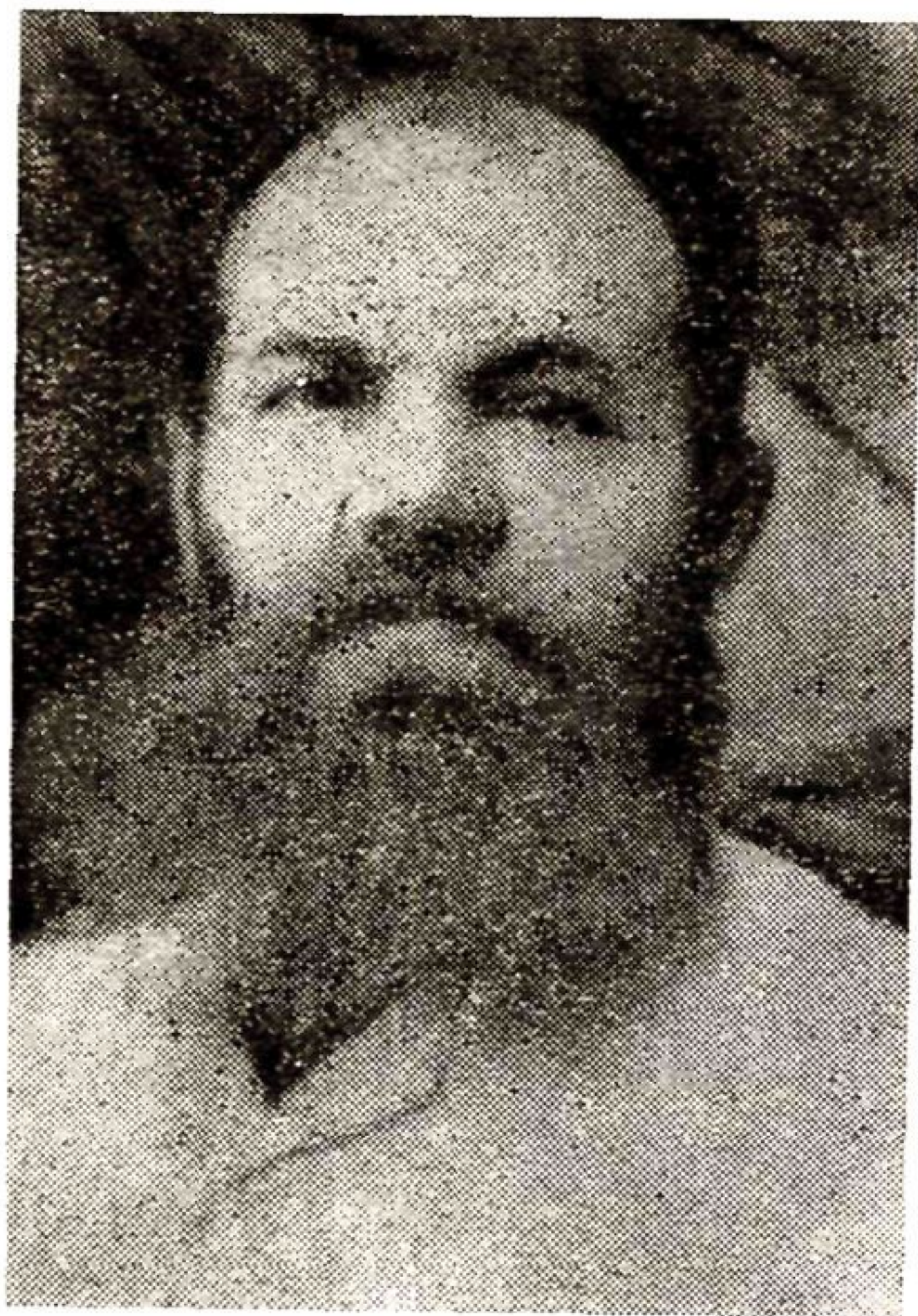
устраивающего «гапы», т. е. беседы. Среди них русский только один Николай Петрович. Остальные все—узбеки и таджики. И сегодня его очередь организовать «гап» у себя. Гости начнут съезжаться к часу дня. В два подадут чай, сладости, потом разное угощение с традиционным палау¹, а затем за новым чаем начнется и самый «гап». Может быть, кто-нибудь выступит с инсценировкой, как в прошлый раз, когда двое участников разыграли сценку даже с изображением животных. Особенно любит Николай Петрович муллу Махтума и муллу Олима, со слов которых всегда можно записать много интересного из жизни, быта, фольклора и истории разных народностей Туркестанского края. Но вступил он в «товарищество» не только для научного изучения местного населения. Ему казалось, что путем такого личного общения он сумеет успешнее внедрять в сознание «туземного» населения через его «верхушку» идеи беспрекословной покорности проводившейся царской Россией политики.

Высокого роста, худощавый, чуть сутулящийся, с длинной бородой, с типично русским, далеко некрасивым, но умным, слегка суровым лицом, суховатый, требовательный к себе, безукоризненно честный, строгий в под-

¹ Палау—национальное узбекское блюдо.

ведомственных ему учреждениях и не менее того, почти по-домостроевски, как глава семьи, Н. П. Остроумов при всем том выглядел внешне очень скромно. Именно такое впечатление скромного человека производил он на большинство независимых от него людей, несмотря на свое служебное положение, а главное, на роль при туркестанских генерал-губернаторах, в деятельности которых по отношению коренного населения он был одним из главных идеологов. Уже давно, еще весной 1877 г., через семь лет по окончании духовной академии, где он некоторое время состоял доцентом, приехал Николай Петрович в Ташкент и тотчас был назначен инспектором народных училищ. Добросовестный, с большим запасом инициативы и энергии, организатор по призванию, он быстро выдвинулся на фоне тогдашнего общества.

Убежденный монархист, сторонник незыблемости принципов самодержавия, поглощенный на далекой российской окраине культуртрегерской работой, Остроумов совершенно не ощущал реакционной сущности своей деятельности. Наоборот, часто вступая в конфликт на служебном и общественном поприще с лицами распространенного в 70—80 годах прошлого столетия типа Щедринских «господ ташкентцев», он искренне был убежден не только в правильности принятой в

Директор Ташкентской
мужской гимназии
Н. П. Остроумов.

жизни линии, но и в известной ее либеральности. Не без чувства удовлетворения рассказывал иногда Николай Петрович, как однажды он поставил вопрос о замене в Ташкентской мужской гимназии для провинившихся воспитанников темного карцера

«наподобие тюремной камеры» светлым. Педагогический совет в полном составе, за исключением одного члена, высказался тогда в том смысле, что такая мера не только может погубить это учебное заведение, но и «небезопасна для отечества». Остроумов ставил себе в заслугу, что сумел добиться своего и что гимназия в соответствии с «новыми вениями», нашедшими отражение в официальных выступлениях тогдашнего министра просвещения, получила светлый карцер. Решительно же вообще против карцера он не выступал, тем более, что в циркулярах министерства просвещения на этот предмет не было прямых указаний.

И сидя на свежем воздухе у директорской квартиры в ожидании «гапа», Николай Петрович в калейдоскопе проносившихся мыслей, перескакивавших с одной темы на другую, уже в который раз возвращается к давно волнующему его вопросу. Почему у редактируемой им с 1883 г. казенной «Туркестанской туземной газеты», выходявшей не раз в неделю, как прежде, а ежедневно, печатавшейся арабским шрифтом на «сартовском» языке, а теперь даже параллельно с переводом на русский, так мало подписчиков? Злословят даже будто ее читают одни наборщики. Подписная плата невелика. Всего три рубля в год. Всякие обязательные «высочайшие повеле-

ния», распоряжения высшей туркестанской администрации, приговоры русской судебной власти, правительственные и некоторые частные объявления он старается сопровождать «поучительными» рассказами из быта русских царей, из истории России и других государств. Помещается немало интересных местных известий, касающихся промышленности, сельского хозяйства, торговли, этнографии, фольклора, истории, географии. И тем не менее газета широкого распространения среди частных лиц не получает, базируясь на обязательных и полубязательных подписчиках. Ему, глубоко верившему в predetermined историю миссию монархической России на Востоке, так не хочется думать, что причина кроется не в достоинствах и недостатках публикуемого им печатного органа, а в недоверии местного населения к тому, что исходит от русской власти.

Но досадливую мысль о неудаче с «туземной» газетой скоро сменяет более утешительная, касающаяся Туркестанской учительской семинарии, которая находится почти рядом с гимназией, по другую сторону Константиновского парка, разбитого в 1883 г. на месте площади, где до того устраивались скачки и проводились артиллерийские конные занятия. Семинария тоже его детище. Всплывает воспоминание, как получил он 15 мая 1879 г.

предписание открыть ее к 30 августа на совершенно «пустом месте», где только высился бугор-тепе древней руины. Не было тогда еще ни помещения, ни педагогов, ни учащихся. Пришлось мчаться на жутко тряских безрессорных почтовых трашпанках в Верный, поскольку в Семиречье русских тогда было больше всего по сравнению с остальными областями Туркестанского края. И действительно, семиреченский губернатор Г. А. Колпаковский «спас положение», дав предписание о выделении для семинарии наиболее способных ребят из числа окончивших станичные школы Семиреченского казачьего войска. Доставленный в августе транспорт казачат дал основной контингент первого семинарского набора. Теперь дело вполне налажено. Будущие учителя в обязательном порядке проходят, кроме специальных предметов, в том числе касающихся Туркестанского края, персидский, узбекский, киргизский (казахский) языки, а также обучаются садоводству, огородничеству и некоторым ремеслам. Подобрался хороший состав педагогов. Например, хотя бы направленный в прошлом году «по собственному желанию» из Петербурга «наставник по истории и географии» Николай Гурьевич Маллицкий, получивший в Петербургском педагогическом институте одновременно серьезное физико-географическое

Учитель М. С. Андреев.

и историко-филологическое образование. Он может далеко пойти.

Семинария дала несколько выпусков учителей, в том числе из местных национальностей. Некоторые бывшие воспитанники семинарии уже зарекомендовали себя с хорошей стороны. Взять хотя бы того же «буку» Вяткина из семиреченских казаков. Упрямый, не-

людимый какой-то, большой индивидуалист. Не хочет, вот как другие, делиться с ним, Николаем Петровичем, услышанными от туземцев сказками, пословицами, загадками. Все для себя бережет. При всем том застенчивый уж очень. Стесняется, что не умеет держаться в обществе. Но вообще многообещающий молодой человек.

Одного с ним выпуска «солдатский сын» Андреев Михаил Степанович. Это совсем в другом стиле человек. Живой, общительный, подвижный. Болтает по-таджикски как таджик. Недаром занимался одно время в Ташкентском медресе Ишан-Кули-додхо у тамошнего мударриса Убайдуллы Максума. Да и киргизским владеет отлично, опять же потому, что кочевал верхом на лошади с одним аулом от Чимкента по предгорьям и горам. Только бы не разыгрался у него обнаружившийся туберкулез. Хорошо, что каждый год летом ездит по районам, где подлечивается кумысом. Попутно проводит наблюдения археологического порядка. Вот хотя бы по Ахангерану, который он посетил года два-три назад в бытность заведующим вечерними курсами для таджиков в Ходжене. Вообще молодчина. Потому и переведен в Ташкентскую учительскую семинарию на должность практиканта по местным восточным языкам. Такие же занятия проводит в Ташкентском

Преподаватель Ташкентской
мужской гимназии
Н. Г. Маллицкий.

реальном училище. А недавно-то как отличился в генерал-губернаторском дворце на заседании Туркестанского кружка любителей археологии 26 февраля, выступая с докладом о древностях в окрестностях Ходжента и близ Исфары, во время посещения пещеры Канигут.

У входа в нее он осмотрел высеченные на камне надписи. Сам генерал-губернатор барон Александр Борисович Вревский поблагодарил Андреева за интересное сообщение, хотя и заметил после заседания: «Хорошо-то хорошо, но уж очень молод наш докладчик для занятий археологией».

«Да, кстати,—проносится тотчас следующая мысль в голове директора мужской гимназии,—не забыть, что на том заседании Ю. Д. Южаковым было заявлено о желательности снарядить археологическую экскурсию для осмотра пещеры Кан-и гут, а А. П. Михайлов предложил сочетать это с исследованием ее геологического строения. Было и решение вписано в протокол—«иметь это в виду». Разумеется, беглого попутного осмотра пещеры в конце 70-х годов комиссаром поземельно-податной комиссии Александром Ильичем Вилькинсом, который, кстати, не очень-то удалялся от ее входа, да и недавнего посещения ее Андреевым явно недостаточно.

Надо бы приступить к выполнению постановления без задержки, чтобы поддержать общественный интерес к Туркестанскому кружку любителей археологии».

Это новое научное общество тоже детище Остроумова. Оно существует собственно немного месяцев, но уже вполне оформилось и работает. Еще несколько лет назад к архео-

логии было трудно привлечь внимание чиновников местной администрации, а без них в Туркестанском крае никуда не денешься.

Как-то в 1887 г. Николай Петрович при производстве раскопок древних могил под Ташкентом на так называемых «Никифоровских землях» добыл разные археологические предметы. Среди них были глиняные сосуды, сделанные без гончарного круга, с ручками в виде изображений не то баранов, не то собак. Тогда чиновник, заведовавший Ташкентской публичной библиотекой и музеем, отказался их принять, считая всё это хламом, ради которого не стоит тратить времени на занесение в книгу поступлений. Этим он очень обидел Остроумова. А вот приезжавший позднее в Туркестанский край немецкий ученый-этнолог Бастиан «соизволил» взять кувшинчики с благодарностью и увез их в Берлинский музей.

Теперь положение изменилось. В 1893 г. на заседании Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, происходившем 11 декабря под председательством президента барона А. Б. Вревского, после докладов доцента В. В. Бартольда и его, Остроумова, было вынесено решение о «сформировании в Ташкенте археологического кружка». Составление устава и проведение его по инстанциям заняло почти

два года. «На основании Высочайшего повеления 19 октября 1895 г.» представленный устав кружка был утвержден министром народного просвещения статс-секретарем графом Деляновым только 31 октября. Первое собрание учредителей Туркестанского кружка любителей археологии созвано 11 декабря того же года. Сам генерал-губернатор согласился быть его почетным председателем. Пока он не пропустил ни одного заседания и, наоборот, оказывает всяческое содействие новой общественной организации.

Николай Петрович очень надеется, что она будет жизнеспособна, к чему он в качестве вице-председателя прилагает все силы.

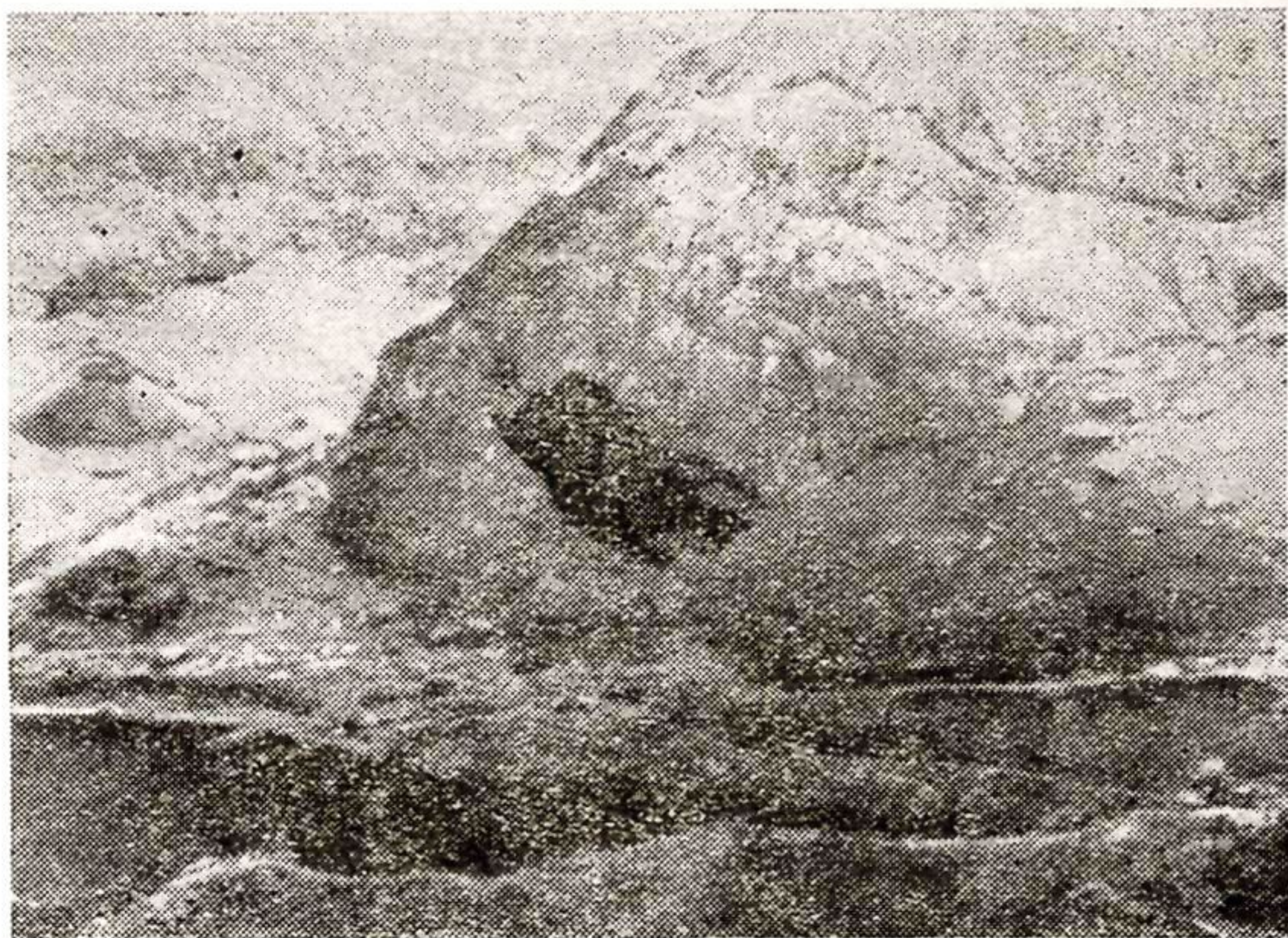
* * *

В весенние каникулы средних учебных заведений, приходившиеся на дни страстной недели и пасхи, в середине марта из Ташкента в крупный кишлак Кокандского уезда Исфару по предложению Николая Петровича уже выехали двое членов Туркестанского кружка любителей археологии—М. С. Андреев и Н. Г. Маллицкий. Дальше их путь лежал вверх по саю, где в 25 верстах от селения Чарку в хребте Сары-тау находится легендарная ферганская пещера Кан-и гут, одна из самых загадочных во всем Туркес-

тане. 18 марта к вечеру они остановились на ночлег в небольшом киргизском ауле в полумиле от входа в пещеру.

На вершинах окрестных гор урочища Шадымир, а кое-где и в боковых ущельях, еще лежал снег. В главном ущелье Занкур среди камней на осыпях пробивалась редкая и тонкая трава, преимущественно сачек и полынь. Небольшое стадо черных косматых коз с трудом отыскивало здесь корм. Когда три аульные псы при приближении незнакомых поднимали лай, то гора с пещерой, благодаря своему изумительному эху, повторявшему громкие звуки по меньшей мере четыре раза, создавала иллюзию, будто тут лает и воет большая стая собак.

Сидя в юрте при свете засаленного и закопченного светильника-чирага, оба молодых исследователя до поздней ночи вели беседу со словоохотливыми киргизами. Несколько наиболее храбрых человек согласились за скромное вознаграждение быть сопровождающими. Но и они наперебой считали своим долгом предупредить русских об опасности затеянного предприятия. В пещере много ходов и в них легко запутаться. Там однажды погибло пять человек, скелеты которых до сих пор лежат в одной из боковых галерей. В пещере, по словам киргизов, скрыто немало сокровищ, но их охраняет

Вход в пещеру Кан-и гут. Фото Е. Б. Пругера.

волшебная сила, губящая смельчаков, пускающих на поиски кладов. Отсюда и само название пещеры—Кан-и гут, т. е. «Рудник гибели». В его подземных глубинах в одной галерее на стене некоторые доходившие туда смельчаки сами видели колеблющееся светлое изображение дракона-аждаха. Люди ученые говорят, что там масса зачарованных «тилисмов» (талисманов), из которых каждый опасен для жизни, если не знаешь против них заклинания. Есть в глубине пещеры

человек с луком и мечом, убивающий каждого, кто подойдет к нему слишком близко. На дне самой глубокой пропасти стоит другой человек с молотком, который он пускает в ход с той же целью. Зато для лиц, знающих магическое противодействие, будут доступны и серебряные кирпичи, из которых сложены некоторые подземные ограды; и глаза из драгоценных, блестящих как алмаз камней у спящего верблюда; и зеленое растение, пахнущее лучше амбры и мускуса; и многое другое, о чем они узнают из высеченных надписей на плитах в разных местах, в том числе и на еврейском языке. Обо всем этом, по словам стариков писал еще якобы Абу-Али Ибн Сина*. Грамотные городские узбеки рассказывают, что старинные рукописные копии его сочинения, в котором обо всем этом говорится, встречаются будто бы и сейчас кое у кого в Ташкенте, Коканде и Бухаре.

19 марта, рано утром, М. С. Андреев и Н. Г. Маллицкий в сопровождении нескольких киргизов двинулись к пещере. В их распоряжении были только один канат, несколько пачек свечей, примитивный свечной фонарь на длинном шпагате, лопата и тиша. Явная недостаточность снаряжения для изу-

* Знаменитый среднеазиатский ученый, известный в европейской литературе под именем Авиценны и живший в конце X века—первой половине XI века.

чения грандиозной пещеры компенсировалась отчасти молодым задором энтузиастов.

Саженьях в пятнадцать от ее главного входа лежал оторвавшийся от скалы большой камень с высеченными на нем куфическим почерком тремя строками арабского текста. В верхней—позднее удалось разобрать слова 16 стиха 40 главы корана: «Кому будет принадлежать власть в день Суда?—Богу единому, грозному».

В 8 часов утра исследователи стояли у входа в пещеру, имевшего вид высокого светлого грота и напоминавшего врата готических храмов. В глубине чернело отверстие таинственного «Рудника погибели». Пещера не изучена европейцами, но в ней, наверное, побывало немало людей. Многие одиночки исчезли в ней навсегда, как гласит о том молва. Сколько, вероятно, неведомых драм разыгралось в ее жутких подземельях! В тщетных поисках фантастических кладов люди находили себе смерть, сорвавшись в пропасти грандиозных обрывов, заблудившись в путаных лабиринтах тесных ходов или были задавленными глыбами камней, рушившимися от незначительных толчков.

Нет! Остановившись перед входом в пещеру, ни Николай Гурьевич, ни Михаил Степанович не были объаты жутью. Не жадность людей к сокровищам привела их сюда,

а жажда познания. Не о возможном исчезновении навсегда под сводами Кан-и гута думали они, а о получении конкретных данных о неизведанном объекте. И все же задержавшись ненадолго перед зиявшим в глубине темнотой входным отверстием пещеры, оба по-разному отдали дань промелькнувшим настроениям, навеянными легендами и реальным восприятием судеб своих безвестных предшественников.

Но вот вся группа вошла в грот. Мельком шарахнулись две-три летучие мыши. Из-под свода с шумом вылетела наружу спугнутая стая диких голубей.

Зажгли раскупоренные свечи. За входом—довольно высокий зал. Из него три хода. Левый засорен. Правый почти целиком засыпан. В нем-то, по словам местных жителей, и лежат пять человеческих скелетов сбившихся с пути людей. Около среднего, видимо главного входа, расположены еще две узкие галереи. Одна ведет к небольшому бассейну с красноватой водой. Главный, наиболее доступный путь, идущий вначале с подъемом по крутой скользкой скале, у вершины приводит к коридору, по которому исследователи попадают во второй темный зал со скалой посредине. Налево от входа узкий наклонный ход. В конце его словно в большом каменном корыте скопилась чистая, холодная и вкусная

вода. В зал сквозь камни пробивается несколько маленьких водяных жил, и их капли со своеобразным ритмом падают вниз на пол. Кое-где видны натежные сталактиты.

Значительный коридор направо выводит на дно большого провала кровли высоко со склона горы. Оттуда вниз проникает голубоватый дневной свет. Еще несколько темных переходов, и в скале показывается круглое отверстие тесной галереи. Все опустились на колени и поползли. Сквозной ветер тушит одну свечу за другой. В полутьме достигли начала спуска по скользкой и крутой скале, справа от которой оказалась глубокая яма. В нее случайно уронили пачку свечей.

Благополучно спустившись вниз, попали под свод нового зала. Направо виднеется склон в темную бездну. Это начало огромной пропасти. Цепляясь за выступы камней, вся группа пробралась поперек склона до небольшого расширения, налево от которого открылся узкий колодец продолговатой формы. За ним в углу ровная площадка, на которой могут поместиться три-четыре человека. К ней добирались по скользкому гребню между колодцем и склоном, ведущим к пропасти. Отсюда начинается спуск в последнюю.

Два джигита берутся за толстый канат. Николай Гурьевич садится в петлю, сделан-

ную на конце веревки, и начинает спускаться в колодец, упираясь в его шероховатые стенки руками и ногами. Сверху постепенно опускают на бечевке свечной фонарь. Колодец стал уклоняться от вертикального направления. Явилась возможность оставить канат и слезть на узкую площадку у края пропасти, в которую выводит колодец. Вскоре сюда попадают спущенные тем же способом Михаил Степанович и несколько киргизов.

Расставили на уступах скал свечи.

Пропасть огромна.

На противоположной стене саженях в десяти проступают шероховатые скалы, покрытые белым налетом. В них зияют отверстия нескольких галерей.

Снова спуск при помощи каната по скользкой наклонной скале. Первый спустившийся расставляет в нижнем ярусе зажженные свечи для освещения пути следующим за ним.

Третья площадка больше двух верхних. В заднем ее углу широкая расселина. За нею грот, который исследователи по уговору называют «гостиной», так как в ней могут отдохнуть одновременно два-три человека. Противоположная стена площадки имеет широкую щель между скал. В ней на некотором расстоянии одно от другого укреплены короткие бревнышки, образуя нечто вроде грубой лестницы. Ниже стоит уже настоящая

длинная деревянная лестница. Ее основание упирается на верхнюю крошечную площадку выдающегося снизу утеса. Отсюда спуск на покатую площадку больших размеров. На ее поверхности много помета летучих мышей, местами толщиной более аршина. Тут же встретились крылышки какой-то бабочки-ночницы. На уже находящихся внизу людей сверху целым дождем сыпятся мелкие камни, вырывающиеся из под рук и ног еще спускающихся. Иногда падают и с глухим шумом катятся в пропасть более крупные камни от неосторожного прикосновения к ним при спуске.

На площадке собралось четыре человека.

Приступили к последнему самому трудному спуску. Дошли до выдающегося над пропастью камня. При помощи приложенной, хотя и шатающейся балочки перебрались на узкий карниз. На нем поместились трое. Перед ними темная бездна. При колеблющемся свете опущенного на шпагате вниз фонаря разглядели длинную лестницу только с тремя сохранившимися ступенями. Михаил Степанович садится в петлю каната. Николай Гурьевич берет за бечевку фонаря. Два джигита, призывая аллаха, судорожно держат канат.

Андреев исчезает из глаз оставшихся наверху. Слышно только тяжелое дыхание киргизов и время от времени отрывочные слова

команды спускающегося: «Держи крепче!», «Опусти фонарь!», «Еще!»

Вот Михаил Степанович касается ногой ветхой ступени древней лестницы. Та не выдерживает и ломается. Вторая оказывается крепче. Но дальше приходится охватить руками и ногами тонкое гладкое боковое бревно лестницы и скользить вниз. Прямо под лестницей глубокая темная яма.

Сюда спускаются только Николай Гурьевич и один джигит.

На дне пропасти расставили побольше зажженных свечей, чтобы осветить нижние участки пещеры. Верхние уже освещены свечами, прикрепленными на вышележащих четырех ярусах. Но всего этого недостаточно: пропасть слишком грандиозна.

Своеобразный величественный вид!

Далеко вверх уходят каменные своды. Кругом нависают темные скалы и камни. Зажженные сверху донизу свечи дают игру колеблющихся бликов. Становится понятным, как легко народной фантазии истолковать это дно пропасти, как обиталище «дива» и «пери», живущих, по поверью киргизов, в Кан-и гуте.

Глубина пропасти казалась не менее 30 саженьей. Голоса оставшихся наверху людей слышатся глухо и неразборчиво. Для переговоров с находящимися на верхнем ярусе

приходится употреблять «живой телеграф», т. е. передавать распоряжения через посредство людей, сидящих на средних карнизах.

Со дна пропасти в разные стороны отходят подземные ходы и галереи. Удастся насчитать их девять. Часть входов засыпана. Главный начинается среди больших камней. Его низкую кровлю подпирает короткая балка.

Ход неудобен. Оба исследователя спускаются по нему с уклоном вниз на четвереньках. Вскоре путь преграждается глубоким колодцем до сажени в диаметре. Через него переброшены две нетвердо держащиеся жерди. Добавив к ним третью, взятую от сломанной лестницы, Николай Гурьевич и Михаил Степанович перебираются на другой край колодца, за которым зияет узкое отверстие продолжающегося подземного хода.

Поползли дальше.

Новое препятствие: люк, ведущий в небольшую камеру. Чтобы спуститься на ее дно нужна веревка. Единственный рабочий, добравшийся до дна пропасти, идти в галерею решительно отказывается.

Спускаться вниз невозможно. Почти под ногами чернеет какая-то расселина неизвестной глубины, а на дне галереи провал, судя по падению бросаемых в него камешков,— чуть ли не бездонная пропасть. Из-за крайней физической усталости приходится отло-

жить продолжение исследования до другого дня и подняться наверх.

Все вылезли из пещеры пыльные, грязные, утомленные опасными спусками и подъемами, но с чувством удовлетворения отнюдь не только одного спортивного порядка.

Заночевали в ауле.

На следующее утро, 20 марта, захватив с собой больше людей, Маллицкий и Андреев снова оказались у спуска в пропасть. С собой взяли двух рабочих. Один был смелый джигит—доброволец, другого же с трудом убедили войти в галерею. Прочие остались на дне и по карнизам пропасти.

Спускаться стали по канату. Внизу оказалась небольшая камера. Направо из нее вел скоро окончившийся ход. Слева открывалась темная бездна. Осветить ее магнием не удалось. Смоченная в керосине и зажженная вата, будучи брошенной вниз, застревала саженьях в десяти на уступе противоположной стенки пропасти. Там виднелись в расселине балки, укрепленные наподобие лестницы. Ниже стояла как будто настоящая лестница. Брошенные камни летели вниз довольно долго.

Ниже спускаться было мудрено, так как нельзя было видеть за выступом, что находится под ней и как глубока сама пропасть. Одно было ясно: пропасть начиналась где-то выше и откуда явственно слышались голоса

рабочих, сидевших у входа в галерею и не подозревавших в полумарке, что они находятся над бездной. Очевидно и настоящий ход, ведущий к балкам, должен был начинаться на дне большой пропасти.

Выбравшись обратно, исследователи нашли под большими камнями узкую яму, на дне которой виднелась часть старого арчового крепления в виде буквы П. Может быть это и был ход, ведущий к лестнице. Землетрясение же или частичный обвал обрушили огромные глыбы камней от сводов и завалили ими путь во вторую пропасть.

Пришлось на этом приостановить изучение пещеры и подниматься наверх. В час сорок пять минут пополудни с ощущением сильной жажды вышли из Кан-и гута сперва Андреев и Маллицкий. Час спустя выбрались из пещеры и отставшие на этот раз сзади рабочие, безуспешно попробовавшие попутно попытать счастье в поисках сказочных сокровищ.

К вечеру того же дня оба члена Туркестанского кружка любителей археологии покинули свою двухдневную стоянку в горах на урочище Шадимир, благополучно завершив предварительную разведку «Рудника гибели».

По существу это было первым научным обследованием одной из интереснейших туркестанских пещер, причем было установлено, что она, несомненно, принадлежит и к числу

наиболее крупных, хотя дойти до ее конца и не удалось. Николай Гурьевич правильно определил ее первоначальное естественное происхождение. Одновременно исследователи обнаружили многочисленные следы от ударов острыми металлическими инструментами, наличие большого числа искусственно прорубленных проходов, галерей, а также лестниц, опорных балок, жердей и арчовых крепей, употребляемых в горном деле и частично покрытых от времени слоем известковых отложений. Это навело на мысль, что люди, воспользовавшись работой природы, спускаясь в пещеру, обнаружили здесь необходимые им полезные ископаемые и стали вести их добычу. В процессе разработки пробивались галереи и спускные колодцы. Появились дополнительные пустоты от выработанной породы. Грудами каменных обколков заваливались старые ходы. Некогда во тьме мерцали многочисленные масляные светильники. Воздухом, насыщенным сухой пылью, жирной копотью и чадом, было трудно дышать. Поток людей на протяжении нескольких столетий оживлял своим движением подземелья пещеры. Это многие поколения безвестных горняков, годами спускавшиеся в рудник на работу, своими руками, ногами и телами обтерли до скользкости поверхности скал у спусков, придав им вид словно отполирован-

ных. Было это давно. Затем выработанное месторождение заглохло, а мрачные подземелья пещеры не без основания стали восприниматься людьми как Кан-и гут—«Рудник гибели».

* *

*

Одиннадцать дней спустя после выхода из пещеры Кан-и гут Михаил Степанович уже выступал в Ташкенте на очередном заседании Туркестанского кружка любителей археологии с докладом о совершенной им с Николаем Гурьевичем поездке. Он рассказал о посещении в долине Ангрена между селениями Той-тюбе и Кара-хтай мазара Ша Абдул-Малик баба, считавшегося одним из распространителей ислама в Туркестане. Присутствовавшим были предъявлены сделанные Андреевым копии арабских надписей из ущелья Варух и с камня около входа в Кан-и гут. Особенно подробно были сообщены сделанные в этой пещере наблюдения. Сам Андреев считал, что результаты их поездки нельзя признавать вполне успешными, поскольку пещера очень велика, из-за нехватки каната нужной длины и людей невозможно было довести осмотр ее до конца, а отсутствие геолога не позволило разрешить некоторые специальные вопросы.

Это было, конечно, не совсем так. Присутствовавшие на заседании сумели по-настоящему оценить скромность молодых исследователей. После оживленного обмена мнениями в вынесенное решение занесли пожелание продолжить изучение пещеры летом текущего года при большем числе участников. Кокандскому же уездному начальнику подполковнику Дзердзеевскому направили просьбу о содействии к доставлению в Ташкент камня с надписью у пещеры Кан-и гут.

* *

*

В конце мая в Ташенте уже наступило настоящее лето. Сухо. Душно. Пыльно. Только что отстоявший церковную службу Николай Петрович Остроумов присел отдохнуть в тени карагача подле своей квартиры. Скоро ему подадут экипаж, чтобы ехать в Старый город. В это воскресенье «гап» его товарищества намечен у главного ташкентского судьи-казия Мухитдина Ходжа Хаким Ишанова. Получивший высшее богословское мусульманское образование в медресе, умный, знающий, ловкий и красноречивый казий во всех официальных случаях играет роль представителя местного населения. Он был депутатом на коронации Александра III; когда нужно, выступает с приветствиями государю-

императору от верноподданных ташкентских мусульман; появляется с ходатайствами по разному поводу от их имени перед высшей туркестанской администрацией; устраивает у себя тамаши-гулянья для своих и для русских одновременно; заводит на дому европейские столы, стулья, посуду и прочую утварь; в парадные дни носит на груди пожалованные ему многочисленные русские медали и даже крест ордена имени христианского святого. Все эти кажущиеся «уступки» наружному приспособлению к русским чиновникам вынуждены ради определенной выгоды для занятия видного общественного положения. Именно так расценивает поведение главного казия ташкентская мусульманская верхушка, извиняющая ему это. Дешевое, неискреннее и показное руссофильство Мухитдина не вполне угадывает Николай Петрович, которого хитрый казий снова обворожил недавним вступлением в члены Туркестанского кружка любителей археологии.

Мысль с Мухитдина перескакивает у вице-председателя этого ташкентского научного общества на текущие дела последнего. Вот недавно пришлось заплатить двадцать рублей за доставку в музей кружка канигутского камня с арабской надписью. Сама поездка Андреева и Маллицкого обошлась в пятьдесят рублей. Слов нет, результаты интерес-

ные. Но дорого. А тут еще предстоит за канат для спуска в пещерные пропасти оплатить счет в 12 рублей. Как говорится, «торговали—веселились, подсчитали—прослезилась». В сумме выходит 82 рубля. Много. Очень много. Средства кружка мизерны! 250 рублей пожертвовал генерал-губернатор да триста рублей с небольшим поступило в виде членских взносов. Это все. Больше половины уже израсходовано на типографские заказы по печатанию устава, списка членов, повесток, протоколов и научных сообщений. Через несколько дней на ближайшем заседании кружка, которое состоится 3 июня, он, Николай Петрович, сам внесет против ранее принятого общим собранием постановления контрпредложение: «Ввиду значительных расходов, вызванных поездкой М. С. Андреева (о Н. Г. Маллицком он умолчит) для исследования пещеры Кан-и гут и ограниченности средств кружка, более подробные исследования этой пещеры отложить». А пока можно ограничиться тем, что семинарский педагог Маллицкий безвозмездно закончит перевод с персидского языка приписываемого Авиценне текста о Кан-и гуте по рукописи, имеющейся у ташкентца Мухитдина Мушрабова, и составит статью о посещении этой ферганской пещеры.

Николай Петрович видит слабые стороны

кружка. Среди ста с лишним его членов настоящих специалистов-археологов собственно нет. Налицо около десятка краеведов активистов-любителей. Подавляющее большинство почти случайные люди, вступившие в кружок или по своему служебно-общественному положению, которое «обязывает», или по карьерным соображениям. Определенное значение, и вполне основательно, Остроумов придает поддержке почетного председателя барона А. Б. Вревского и с его помощью надеется расширить работу этой вновь созданной организации.

Он не может, разумеется, предвидеть, что после отъезда Вревского из Ташкента через два года новые генерал-губернаторы не станут проявлять такое внимание к Туркестанскому кружку любителей археологии. Заседания уже не будут проходить во дворце начальника Туркестанского края, и для них каждый раз придется отыскивать подходящее помещение после всякого рода «униженных просьб». А ему, Николаю Петровичу, так ценившему окружение высокопоставленными лицами, подводя итоги тому или иному заседанию, придется ограничиваться подсчетом числа присутствовавших на них простых генералов и действительных статских советников. И, конечно, он совсем уже не мог предугадать, что доставленный с таким тру-

дом огромный камень из Кан-и гут с древней оставшейся полностью неразобранной арабской надписью будет по нерадению чиновника, заведовавшего Ташкентской публичной библиотекой и музеем, брошен на дворе, а через несколько лет его разобьют на куски и употребят на забутовку фундамента одной из надворных построек хозяйственного назначения.

Краткий комментарий

1) Расположенная на южном склоне отрога Джаман-чул пещера Кан-и гут находится примерно в 17 км к западу от кишлака Самаркандек (Самаркандиек), лежащего теперь при автопроезжей дороге. С момента заброса в давние времена этот рудник, несомненно, неоднократно посещался разными людьми. Между прочим одному из таких смельчаков принадлежали найденные в одном из его проходов 23 медные ферганские квадратные монеты конца XVIII начала XIX вв. с единственной надписью «ройдж», т. е. ходячая (монета). В первой половине прошлого столетия в Коканде были сведения, что где-то в районе Кан- и гута тамошние киргизы добывали для своих охотничьих нужд свинец. В 1850 г. пещеру посетил с несколькими рабочими кокандский курбаши, видевший и надпись на неизвестном ему языке у входа,

и большое число подземных ходов, и установленные в разных местах деревянные крепи. По преданию, при Худояр-хане в Кан-и гут загоняли осужденных на казнь, и те или гибли в лабиринте его многочисленных проходов, или их убивала стража при обратном выходе, если они возвращались без каких-либо, установленных ими новых данных о якобы находящихся в подземельях сказочных сокровищах.

После присоединения Кокандского ханства к России в 1876 г., кроме осмотра Кан-и гута Л. И. Вилькинсом, М. С. Андреевым и Н. Г. Маллицким, заслуживает упоминания посещение пещеры незадолго до первой мировой войны известным туркестанским горнопромышленником П. С. Назаровым. Он признал пещеру за рудник, в котором могли добывать железо и серебро—свинцовую руду, а заодно обратил внимание, что долгое пребывание в пещере вызывает у людей бледность и какое-то странное ощущение. После него Кан-и гут в 1914 г. исследовался возглавляемой профессором А. А. Черновым специальной экспедицией Академии наук, во время работ которой Д. И. Щербаков и С. П. Александров сделали глазомерную съемку пещеры от главного входа до второй пропасти. К 1917 г. чиновник особых поручений по горному делу при Туркестанском

генерал-губернаторе горный инженер Г. Б. Леонов считал, что в Кан-и гуте руда была богата серебром.

В более крупных масштабах научное изучение этой пещеры начало проводиться только при Советской власти. Уже в 1920 г., когда, по имевшимся сведениям, в ней временами укрывались орудовавшие в Фергане басмаческие шайки, по инициативе Р. И. Бокия и Э. С. Батенина правительство Туркеспублики утвердило проект организации комплексной Канигутской экспедиции. В состав ее входили специалисты по метеорологии, зоологии (в том числе по энтомологии), ботанике, геологии и археологии. Последнюю представлял член Туркестанского кружка любителей археологии В. Э. фон Эгерт. Для охраны был выделен отряд пеших и конных красноармейцев при двух пулеметах. Изучение пещеры производилось на протяжении 20 дней. Был обнаружен второй вход в нее. Инженер И. Г. Белов изготовил схематический продольный профиль от главного входа до левого наружного выхода. Соответственно на план был нанесен основной сквозной проход и лишь некоторые из боковых ответвлений. Горный инженер И. И. Бездека обнаружил деревянные клинья, употреблявшиеся при огневой работе, и сделал восковые оттиски следов, оставленных на вырубленных че-

ловеком проходах с помощью четырехгранного инструмента. В. Э. фон Эгрет собрал фрагменты средневековой керамики, несколько неглазурованных чирагов-светильников и один глазурованный, а у подножия второй лестницы центрального прохода поднял медную саманидскую монету Нуха сына Насра (943—954), чеканенную в 343 году хиджры. Подобран был один целый человеческий скелет с остатками кожи. Все объекты поступили в экспозицию археологического отдела Главного среднеазиатского музея.

С тех пор Кан-и гут изучался рядом геологических экспедиций, в том числе с участием археологов. Много новых следов деятельности человека установил в пещере и ее районе в 1933 г. геолог А. Ф. Соседко. Он обнаружил по Занкур-саю к югу от главного входа место средневекового рудничного поселения и отвал хозяйственного мусора с керамикой от VIII—начала XI в. Следы строений установлены им также в 300—400 м южнее на противоположном берегу сая. В ряде мест им опознаны задернованные отвалы из осколков руды, а в 40 м от главного входа найден каменный пест весом свыше 15 кг. Место плавки руды, производившейся в больших масштабах, К. Я. Парменов открыл в 13 км к западу от Кан-и гута и в 3 км западнее кишлака Мадыген по Рис-саю в 250—

300 м от его устья. Площадь, занятая ямами от бывших печей, покрытая разбросанными шлаками и кучами отвалов, занимает около рудника до двух гектаров.

В 1965 г. археологи Г. Я. Дресвянская и Е. Б. Пругер, являясь участниками проводившихся в Кан-и гуте работ партии по ревизии и изучению древних горных выработок от треста «Ташкентгеология», дополнительно усмотрели тянущиеся от главного входа на былых рудоразборочных площадках следы прямоугольных в плане штабелей с кусками необожженной руды и фрагменты керамики II—III вв. н. э. Учитывая, что один сосуд «кушанского времени» был встречен у Кан-и гута в 1952 г., можно думать, что прилежащая к пещере территория была как-то обжита уже в конце периода рабовладельческого общества. Шла ли в ту пору добыча в Кан-и гуте упомянутых металлов, и если она производилась, то в каких масштабах, пока неясно.

Геологическим изучением Кан-и гута давно уже больше всего занимаются соответствующие организации Киргизской ССР. Произведенной маркшейдерской съемкой установлено, что пещера состоит из расположенной в несколько ярусов системы подземных проходов и примерно 30 камер. Самая крупная из них имеет размеры 68×29 м. Общий

объем всей системы более 100000 куб. м. При этом следует учитывать, что многие проходы еще не расчищены от завалов и протяженность их не выяснена. Пока установлено три входа в пещеру, но, по-видимому, намечается и четвертый. Кратчайшее расстояние между первым (главным) и вторым входами около 1 км.

Подтвердилось предположение Н. Г. Малицкого, что крупные «залы» и ряд «пропастей» Кан-и гута естественного происхождения и их появление некоторые связывают с карстовыми явлениями. План пещеры значительно осложнен деятельностью древних горняков, довольно интенсивно добывавших здесь на протяжении с VI до начала XI в. включительно свинец и железо. О былой добыче этих металлов в районе Исфары упоминают и письменные источники.

При всем том изучение Кан-и гута далеко не завершено. «Рудник погибели» не только являет собой заманчивый объект в историко-археологическом отношении, но представляет интерес в смысле его практического промышленного использования с применением современной техники горного дела.

2) Михаил Степанович Андреев родился 24 (11) сентября 1873 г. в Ташкенте, в разрушенном землетрясением 1966 г. домике, на несуществующей теперь улице Двенадцати

тополей. Его рано осиротевший отец, Степан Митрофанович, четырнадцать лет поступил на службу к одному оренбургскому купцу, который посылал юношу в составе своих караванов в Туркестан еще до присоединения края к России. Однажды в связи с военными действиями ему пришлось, оставив товар на хранение, в течение трех лет кочевать по степи вместе с казаками, за это время он хорошо овладел их языком. Это обстоятельство не прошло бесследно для Михаила Степановича, который по окончании шести классов Ташкентской мужской гимназии и Туркестанской учительской семинарии постепенно превратился в крупного знатока многих местных языков и наречий, этнографа и путешественника. Уже через два года после обследования пещеры Кан-и гут вместе с Н. Г. Малицким он принимал участие в экспедиции археолога и этнографа Д. А. Клеменца (революционного деятеля, народника и одного из основателей общества «Земля и воля»), которую тот проводил в 1898 г. по линии Академии наук в Монголии и Восточном Туркестане и которая ознаменовалась открытием в Турфане пещерных буддийских храмовых росписей, а также древнетюркских и санскритских надписей. В качестве личного секретаря чиновника особых поручений по изучению переселенческого дела, а затем и дипло-

мата А. А. Половцева М. С. Андреев разъезжал по разным областям Туркестана, по Закаспию и Закавказью, побывал в Париже, овладев там французским языком, и проживал в Петербурге, где близко сошелся с выдающимися востоковедами С. Ф. Ольденбургом, В. В. Радловым, К. Г. Залеманом и др. В 1902 г. совершил поездку на Памир, в Шугнан и Вахан. С 1905 г. Михаил Степанович проживал в Бомбее, разъезжал по Индии, где изучил индустани и пушту, а в 1911 г. был избран членом-корреспондентом королевского географического общества в Бенгалии. После того он состоял до весны 1914 г. вице-консулом во французских колониях Индии и Индо-Китая, откуда проехал верхом в Россию через Кашмир-Гималаи (перевал Кара-Корум) — Яркенд-Ташкурган. Вернувшись в Туркестан, состоял инспектором народных училищ Ходжентского и Джизакского уездов Самаркандской области до самой Октябрьской революции.

При Советской власти был инициатором создания в 1918 г. Туркестанско-восточного института и его первым директором. После того, работая в ряде научных организаций и высших учебных заведениях Ташкента и Душанбе, он осуществил большое количество этнографических экспедиций, преимущественно по Таджикистану, а в 1926 г. побывал с на-

учной целью в Афганистане. За свои исследовательские работы М. С. Андреев в 1928 г. награжден золотой медалью Русского географического общества. В 1929 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР и в 1943 г.—действительным членом Академии наук Узбекской ССР.

Умер Михаил Степанович 10 ноября 1948 г. в Душанбе, имея звание заслуженного деятеля наук Таджикской и Узбекской ССР. Он оставил после себя великолепные этнографические коллекции, хранящиеся в различных музеях Ленинграда, Ташкента, Душанбе; до полусотни опубликованных трудов, большое число рукописных работ и ряд подготовленных им талантливых учеников—преподавателей, среди которых несколько докторов и кандидатов наук.

3) Николай Гурьевич Маллицкий родился 18 (5) сентября 1873 г. в селе Дедово Оренбургской губернии. Его отец, Гурий Александрович, и мать, Елизавета Петровна (урожденная Молчанова), были сельскими учителями. Несколько лет спустя семья переехала в Оренбург, где сын был отдан в гимназию. В ней, он, как преуспевающий ученик и сын малосостоятельных родителей, был освобожден от платы за учение и окончил ее с золотой медалью. Уже на гимназической скамье у него проявился серьёзный интерес к изуче-

нию пограничного с Оренбургом Киргизского края, и его даже допустили к работе над хранившимися в музее естественно-историческими коллекциями, собранными в 1836 г. Г. С. Карелиным при его исследованиях восточного берега Каспийского моря.

Поступив в Петербургский педагогический институт на историческое отделение историко-филологического факультета, в учебных программах которого тогда уделялось большое внимание преподаванию в значительном объеме географических дисциплин, Николай Гурьевич по окончании его в 1895 году с отличием получил широкое образование и как историк, и как географ. Это отразилось на всей его последующей жизни. Хотя Маллицкий был оставлен в Петербурге при институте для подготовки к занятию должностей сперва доцента, а затем профессора, но упрямил направить его учителем в манивший своей неизведанностью Туркестан.

В Ташкенте Николай Гурьевич был назначен сперва преподавателем истории и географии Туркестанской учительской семинарии, а некоторое время спустя переведен в Ташкентскую мужскую гимназию. Изучив с помощью М. С. Андреева в совершенстве ряд местных языков, он большую часть свободного времени отдавал исследовательской деятельности на поприще географии, этногра-

фии, лингвистики, истории и даже археологии, побывав во многих районах Туркестана, включая ряд глухих горных участков. Разносторонним изучением края он продолжал заниматься даже в те годы, когда был назначен редактором правительственной газеты «Туркестанские ведомости» (пережившей при нем в 1901—1906 гг. последний период своего расцвета как солидный краеведческий орган) и даже после избрания гласным Ташкентской городской думы, городской управы и, наконец, назначения в 1907 г. городским головой, каковым оставался до 1917 года.

При Советской власти Николай Гурьевич переключился снова в основном на преподавательскую работу в качестве профессора, которую вел в ряде высших учебных заведений: Ташкентском народном университете, Туркестанском восточном институте, Туркестанском государственном университете (переименовывавшемся сперва в Среднеазиатский, а затем Ташкентский), Таджикском педагогическом институте, Институте ирригации, в Лесном техникуме, на Высших военных курсах востоковедения. Среди созданных им специальных курсов, никогда и никем до него не читавшихся, заслуживает особого упоминания вызвавший исключительный интерес у слушателей своей широтой и эрудицией совершенно оригинальный курс по антропо-

географии Средней Азии, который он читал в сороковых годах на кафедре археологии Среднеазиатского государственного университета.

Одновременно всю жизнь Николай Гурьевич вел немалую общественную работу как член Туркестанского кружка любителей археологии и особенно по Туркестанскому отделу Русского географического общества (позднее САГО). В последнем он на протяжении 34 лет занимал ряд руководящих выборных должностей: с 1897 г. первого ученого секретаря, через два года — правителя дел, а с 1906 по 1931 г. — председателя.

Бескорыстный труженик, принципиальный ученый, деликатный и доброжелательный к людям, не имевший за всю жизнь личных врагов, Н. Г. Маллицкий оставил после себя около сотни разнообразных печатных работ, до двадцати не опубликованных (в том числе капитальный труд «Водные ресурсы Средней Азии») и значительный научный архив. За свою педагогическую и исследовательскую работу в 1926 г. был утвержден Москвой в звании «красного профессора».

Николай Гурьевич скончался в Ташкенте в ночь с 29 на 30 сентября 1947 г., будучи советским доктором географических наук и заслуженным деятелем наук Узбекской ССР.

4) Николай Петрович Остроумов представлял собой социально-противоречивую фигуру.

Сын протоиерея, он родился в селе Сасово Елатимского уезда Тамбовской губернии 19 (6) ноября 1846 г. Учился в Сасовской школе, затем в Тамбовской духовной семинарии, откуда как лучший ученик, был направлен в Казанскую духовную академию, где на противомусульманском отделении проходил татарский, арабский языки и некоторые курсы по исламоведению. По окончании академии в 1870 г. был оставлен при ней преподавателем, каковым и состоял до назначения в мае 1877 г. в Ташкент на должность инспектора народных училищ Туркестанского края. С 1879 по 1883 г. он занимал должность директора Туркестанской учительской семинарии, после чего до конца 1900 г. состоял директором Ташкентской мужской гимназии, а затем перешел на прежний пост в семинарию, на котором оставался до выхода в отставку, в мае 1917 г. Николай Петрович выехал на родину в Сасово, но, тоскуя по Туркестану, вновь вернулся в начале сентября 1922 г. в Ташкент, где вскоре прочитал последний раз в жизни курс по исламоведению для сотрудников Чрезвычайной комиссии (ЧК).

За 50 с лишним лет жизни в Туркестане Остроумов превратился в крупного знатока этого края, опубликовав по его истории несколько десятков работ. Менее удачными были его популярные книги и статьи по исламо-

ведению в широком понимании. Они не отвечали тогдашнему уровню науки и не были свободны от специфически консервативного направления Казанской духовной академии, хотя, как отметил в своей книге «Очерки по истории русской арабистики» (М.-Л., 1950, стр. 89) академик И. Ю. Крачковский со ссылкой на В. В. Бартольда, и не воспроизводили крайностей казанской школы. Возможно, в этом сказалось влияние на Остроумова его учителя профессора-востоковеда Н. И. Ильминского, которого реакционное начальство указанной академии обвиняло в свое время в увлечении исламом и даже подозревало в его пропаганде.

Более заметный след оставили научно-организационные мероприятия Николая Петровича, особенно полезные в части создания им Туркестанского кружка любителей археологии, вдохновителем и председателем которого он был с небольшим перерывом от момента возникновения и до конца в 1917 г. Остроумов поддерживал в нем академически аполитичный характер научной деятельности, сложившийся, вероятно, не без влияния В. В. Бартольда, вообще оппозиционно настроенного к казанской востоковедческой школе.

Если не считать близкого по программе деятельности Закаспийского кружка, хотя и учрежденного еще в 1903 г., но более или менее активно работавшего только в 1914—

1915 г., Туркестанский кружок любителей археологии был в дореволюционное время долгое время единственной в Туркестане научно-краеведческой общественной организацией гуманитарного порядка. В силу этого обстоятельства в его деятельности и публикациях нашли отражение работы не только по археологии, но также по историческим письменным источникам и памятникам фольклора. Не говоря уже о целом ряде сделанных членами кружка открытий, накопленные за 21 год существования фактические данные, зафиксировавшие многое уже утраченное с тех пор, во многих случаях являлись и являются отчасти до настоящего времени отправными при начале исследований советских археологов. Туркестанский кружок любителей археологии не только оставил полезный след в науке, но представляет собой одно из тех явлений, которые отражают и прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России, на что обращал внимание еще Энгельс.

От Остроумова осталось свыше сорока публикаций разной научной значимости и некоторое число рукописных архивных материалов, в том числе Туркестанские мемуары, писавшиеся им как воспоминание буквально до последнего дня жизни.

Скончался Николай Петрович в Ташкенте в ночь с 17 на 18 ноября 1930 г.

5 коп.